

ский университет в том намерении записал, чтоб он не только выученные иностранные языки позабыть не мог, и в других бы науках осмотрелся, так скоро Леонид совсем иной вид воспринял. Не науки и не учение у него было на уме, но общество с рабами и компания с негоднейшими из учеников университетских было его всегдашнее упражнение. От сих научился он всему худому, и в короткое время не только все выученное при отце своем позабыл, но так одичал и так испортился, что и знака прежнего Леонида на нем не осталось. Словом, он сделался совершенным негодяем. Отец, узнав о худом поведении его, хотя и наказывал оного многократно, но не мог уже возвратить того, что уже потеряно, и, наконец, принужден был, взяв из университета, его в гвардию записать. Но Леонид и там еще ремень солдатский носит, хотя уже три года в службе, и все товарищи его давно уже сержантами, и нет нимало надежды, чтоб мог когда-нибудь быть из него порядочный человек и полезный член общества.

Вот, любезный приятель, два примера, которые довольно изъяснить могут, сколь чтение книг полезно, а, напротив того, нечтение оных вредно быть может. Однако, в удовольствие ваше, докажу я теперь самое это же другим образом, а между тем, объясняться более сами собою и вышеупомянутые примеры.

Мы, будучи отменными созданиями от всех прочих, происходим на свет с отменными обстоятельствами. Если б мы на такой же конец назначены были, как скоты и звери, то может быть и мы по примеру их также со всеми совершенствами рождались, какие бы, например, для нас предназначены были, но как всемогущий Зиждитель нас гораздо выше скотам предпочесть и для лучшего конца создать соблаговолил, то и угодно было ему учредить, чтоб мы совсем в особливом состоянии, но с отменными обстоятельствами на свет производились. Не так уж мы родимся, как скоты и звери! Не способны мы ни к хождению, ни к питанию самих себя, ни к отправлению других дел, которые для нас необходимо нужны. Наги, немощны, бессильны, ни к чему неспособны, глупы, и, одним словом, в таком бедном состоянии родимся мы, что без помощи посторонней едва ль бы нам и два дня прожить возможно было. Самым первым и нужнейшим вещам должны мы несколько лет учиться, а всего удивительнее, что и говорить бы мы не умели, если б не вместе с другими людьми жили, и от них тому выучились понаслышке. Подобно зверю бессловесен и глуп был бы человек, если бы он на пустом острове всякого человеческого общения лишенным вырос, как тому несколько действительных примеров видано. Не явствует